

Коррупционные явления в системе налогообложения Тюменского уезда в первой половине XVIII в.

Белькова Анастасия Андреевна

Студент

Тюменский государственный университет, Институт истории и политических наук, Тюмень, Россия

E-mail: belkova.a.a@mail.ru

Одной из самых активных антикоррупционных кампаний в истории Российского государства по праву можно считать деятельность Петра I. Создав крупный бюрократический аппарат, он ввел институт фискалов и рекетмейстеров, учредил прокуратуру, а в многочисленно издаваемых законодательных актах [7, 9] постоянно акцентировал внимание на честном и добросовестном исполнении чиновниками их функций, не забывая при этом указать и меры наказания, к которым они будут подвергнуты в случае ослушания.

«Житницей коррупции» этого периода вполне обоснованно можно назвать систему налогообложения. По мнению современников, из собранных 100 рублей подати лишь 30 поступали в казну, а «остальное чиновники делили между собой за труды свои» [5]. И это не носило единичный характер, а являлось общероссийской тенденцией.

Так, в фондах ГБУТО «Государственного архива Тюменской области» сохранился ряд интересных документов, описывающих коррупционные элементы в налоговой сфере Тюменского уезда Сибирской губернии. В частности, весьма занимательный эпизод был обозначен в «Челобитной пашенного крестьянина Ивана Филатова» [2]. Суть его жалобы заключалась в том, что сборщик подушной подати – Иван Пивнев – пришел к нему в дом «в ночное время» [2] и взял у него пятилетнего быка по цене 3 руб. 10 алтын, пуд белой битой овечьей шерсти стоимостью 16 алтын 4 деньги и 10 глиняных корчаг за 10 коп. Ко всему прочему крестьянин поработал на сборщика – намолотил «десять овинов всякого хлеба» по цене 2 копейки с овина в общей сумме на 20 коп. Далее из анализа текста документа мы узнаем, что между крестьянином и сборщиком был заключен негласный договор о предоставлении перечисленного имущества и осуществлении названной трудовой деятельности крестьянином в обмен за уплату сборщиком подушных денег за три души. Свидетелями этого соглашения были тюменские сыны боярские Григорей Молчанов и Иван Глатков. Но, в конце выясняется, что условия договора сборщиком были не выполнены, из-за чего крестьянин был посажен в «долговую яму» и содержался «под караулом многовременно» [2].

Крайний интерес вызывает давность срока поданной челобитной. Описанное событие, по словам челобитчика, произошло в 1724 г. «а которого месяца и числа сказал не знаю» [2], но мы можем предположить, что это были осенние месяцы, поскольку подушная подать была введена 26 июня 1724 г. [8] и ее первый сбор полагался на третью треть (октябрь, ноябрь). Но челобитная была подана в Тюменскую канцелярию воеводского правления только 9 декабря 1728 г., причем писал ее тюменский казак Петр Вершинин (поскольку Филатов находился в тюрьме), а удостоверяющую подпись поставил неверстанный сын боярский Михайло Дунюшинин. То есть почти через 4 года челобитчик

решил восстановить справедливость но, к сожалению, причины, побудившие его это сделать, выяснить не удалось.

27 сентября 1728 г. в Тюменской канцелярии воеводского правления было зарегистрировано весьма курьезное доношение [1], поступившее от казачьего сына Ивана Пушкикова с жалобой на оброчного крестьянина Стифана Меншикова, содержание которого заключалось в следующем.

22 сентября 1728 г. Иван Пушкиков находился в Успенском селе во дворе у ямщика Савы Киршина, где у него произошла встреча со Стифаном Меншиковым. Последний имел неосторожность в беседе заявить о том, что Пушкиков «збирал банные денги с крестьян без указа воровские» [1]. Под банными деньгами здесь имеется в виду налог с домовых бань, введенный Петром I в 1704 г. [6]. Свидетелями произнесенной речи был конный казак Федор Гагарин и ямщичий сын Василий Моисеев. По всей видимости, эти слова имели очень широкий резонанс, что побудило Ивана Пушкикова доложить об этом инциденте уездной власти. Поскольку это событие было изложено в форме доношения – сообщения нижестоящего должностного лица вышестоящему, то это означает, что Иван Пушкиков являлся сборщиком банных денег, обещание честного взимания которых он давал в присяге тюменскому воеводе. Боялся ли он своего дальнейшего разоблачения или хотел восстановить свою подпорченную репутацию, доподлинно установить невозможно, но Пушкиков просил властей «оного Стифана Меншикова на Тюмени в канцелярию воевоцкого правления сыскать и допросить» [1].

Безусловно, тюменский воевода по справедливости разобрался в этом вопросе (а возможно и не совсем по ней), ведь на него был возложен контроль за деятельностью должностных лиц по сбору налогов. Обязанность воеводы следить за коррупционной ситуацией в уезде четко прописана в указе, отправленном из Тобольской губернской канцелярии в Тюменскую канцелярию воеводского правления 12 февраля 1731 г.: «Воеводам в зборе казны по окладу усердствовать и за сборщиками смотреть дабы взятков они или. ими. или. от них посланными обиде никаких чинено не было: а буде в том какое на них (на сборщиков – А. Б.) челобитье . . . , и сыщется то подлинно, то будет без всякого улучшения штрафованы, а по важности вины у преступления отнятием всего движимого и недвижимого имения» [3].

Раздольем для лихоимства и казнокрадства в Сибири был сбор ясака – налога, взимаемого с коренного населения – сибирских татар, платившего его преимущество пушшиной, так называемой «мягкой рухлядью». Так, в 1743 г. тобольский разночинец Андрей Рублевский за взятки с ясачных людей был приговорен к публичному жестокому наказанию – «битью вместо кнута плетью» [4], а также лишению права быть посредником между русскими и татарами – «впред ево Рублевского в ясашные волости для толмачества и незачем отнюд не посылат» [4].

Таким образом, факты взяточничества, превышения полномочий должностными лицами, ответственными за налоговые сборы в Тюменском уезде, имели место быть. Огласка о случаях их злоупотребления не выходила за пределы Сибирской губернии, как например, громкое дело первого сибирского губернатора князя М. П. Гагарина. В некоторой степени причиной такого поведения чиновников в XVIII в. была частая задержка жалованья, но, скорее всего, это явление было порождением традиции российской системы управления, ставшее сквозным на столетия вперед.

Источники и литература

Конференция «Ломоносов 2014»

1. ГБУТО ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1987. 1 л.
2. ГБУТО ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1989. 5 л.
3. ГБУТО ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1990. 12 л.
4. ГБУТО ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1992. 2 л.
5. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. С. 701.
6. ПСЗ. Т. 4. № 1968. С. 247.
7. ПСЗ. Т. 6. №. 3534. С.111–160.
8. ПСЗ. Т. 7. № 4533. С. 311.
9. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., Юридическая литература, 1986. С. 327–365.